

Вечно Дикая

18+

К. А. TAKEP

К. А. Такер
Вечно дикая
Серия «LAV. Романтика»
Серия «Дикая Флетчер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183993
Вечно дикая: Издательство АСТ; М.; 2024
ISBN 978-5-17-147062-3

Аннотация

От автора международного бестселлера «Дикая Флетчер» выходит «Вечно дикая», повесть, которая продолжает историю путешествия Каллы в дикую природу Аляски и жизни, которую она никогда себе не представляла.

Для Каллы и Джоны наступает сезон праздников, и вместе с омелой и имбирными пряниками приходит множество семейных драм. Джона готовится провести две недели с отчимом, которого ненавидит, а Калла с нетерпением ждет приезда своей матери и Саймона, но боится постоянного давления с целью назначить дату их свадьбы... в Торонто. Добавьте к этому непреднамеренное вмешательство одного упрямого соседа и семейные раздоры другого сварливого соседа, и Рождество в Трапперс Кроссинг будет совсем не простым.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

К. А. Такер

Вечно дикая

*Посвящается каждому, кто полюбил Каллу и
Джону.*

К. А. Tucker
Forever Wild

Copyright © 2020 К.А. Tucker

© Л. Войтикова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Декабрь

– Она снова там?

– Да, где-то там. Это свежие следы.

Маму-лосиху в последние несколько месяцев здесь крайне редко можно было увидеть. Полагаю, из-за кое-какого волкопса, который прочно обосновался на нашем участке. Однако в последнее время она снова начала приходить сюда. Каждое утро на этой неделе я наблюдала, как лосиха обгладывает подмерзшие ветки деревьев, не замечая моего присутствия в эркере, или, скорее, не обращая на него внимания. Мне даже удалось сделать несколько снимков, чтобы пополнить свой инстаграм-аккаунт об Аляске.

Я потягиваю свой латте, наслаждаясь теплом, которое разливается по телу, пока люблюсь бескрайними морозными просторами. Уже четвертую ночь подряд ложится свежий слой снега, укутывая белым покрывалом наше маленькое жилище, расположенное неподалеку от крошечного городка Трапперс Кроссинг.

– Наверное, я спугнул ее трактором.

Джона наклоняется к моей шее, чтобы прижаться к ней

утренним поцелуем, и его борода щекочет мне кожу.

Я улавливаю аромат древесного мыла и глубоко вдыхаю его. За несколько недель, предшествующих напряженному сезону отпусков, эта часть дня стала для меня самой любимой. Минуты сладкого безмятежья перед шквалом повседневных дел, когда нет ничего, кроме потрескивания поленьев в камине и нескольких минут безраздельного внимания Джоны. Скоро мы оба выберемся из дома.

Я – на пробежки, а Джона – летать.

Закрываю глаза и наклоняю голову в сторону, чтобы ему было удобнее меня целовать.

– Ты рано встал сегодня.

– Прошлой ночью похолодало. Хотел убедиться, что все в порядке.

Джона ворочался всю ночь. Снова. Я знаю, что это связано не с низкой температурой, а с сегодняшним приездом его матери и отчима из Осло. И хотя он с нетерпением ждет встречи с Астрид, сказать то же самое о Бьерне нельзя.

– Все будет *хорошо*, – обещаю я в очередной раз, поднимая руку, чтобы провести ладонью по его щеке. Я киваю в сторону небольшого домика, выглядывающего из-за деревьев на противоположном берегу нашего озера. – Они пробудут *там* несколько дней, отсыпаясь от двадцатичасового перелета. А когда придут в себя, уже прилетят мама и Саймон.

Я в приятном предвкушении нашей встречи. Почти год назад они привезли меня в аэропорт с билетом в один конец

в мою новую жизнь на Аляске. Кажется, с тех пор прошла целая жизнь.

– *В понедельник* приедут Агнес и Мейбл. Людей будет много, и тебе не придется общаться с Бьерном.

– Знаешь, это не мешает ему обращаться с моей матерью, как с чертовой прислугой, – бормочет он.

Помимо длинного списка претензий Джоны к отчиму, включающего лень, постоянные жалобы и придирки, главной причиной его неприязни к Бьерну стали требования, которые тот предъявляет к Астрид, а именно: постоянная готовка, уборка и поддержание неукоснительного порядка в доме. Это второй брак Бьерна. С Астрид они поженились всего через три недели после его развода с первой женой. Так что, по мнению Джоны, отчим просто не способен жить один и не сможет самостоятельно управиться на кухне, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь.

И если Джона не солгал, я тоже не в восторге, что проведу две недели с этим шовинистическим старомодным ослом. Однако не собираюсь подпитывать беспокойство Джоны.

– Обещаю, Рождество пройдет *идеально*.

Насмешливое фырканье говорит о том, что он сильно в этом сомневается, но, как мне кажется, после моих слов Джона становится чуть менее напряженным.

– По крайней мере, я в предвкушении. Это первое Рождество в нашем доме. Ты только посмотри на него... Весь месяц я занималась изучением креативных рождественских

идей, искала материалы и обжигала себе пальцы горячим клеем до поздней ночи. Дом готов к празднику по самому высшему разряду – начиная от ели в три с половиной метра, которую Джона срубил в лесу и притащил к нам, огромного камина из натурального камня, украшенного вечнозеленым венком и окруженного старинными светильниками, до гостеприимного уютного уголка для чтения, устроенного под лестницей, устланного подушками и одеялами из бизоньей шерсти.

Сельская хижина, в которую мы вошли в марте прошлого года, захламленная мертвыми животными, обшарпанной мебелью и остатками тридцатилетнего брака, уступила место уютному, шикарному бревенчатому домику, которым я заслуженно горжусь, и в котором мы впервые принимаем наши семьи. Даже Мюриэль заявила, что он похож на «одно из тех мест с завышенной стоимостью из журналов». Чтобы дом стал идеальным рождественским гнездышком, нужны лишь оригинальные украшения на камине. Пока что я разместила на подоконниках приготовленные чулки.

Но куда важнее то, что в этот дом мне хочется возвращаться день за днем. А еще больше – к этому мужчине, обнимающему меня каждую ночь.

– Я же говорил, что люстра с рогами за три тысячи баксов идеально впишется в интерьер, – язвит Джона.

Взгляд, которым я его награждаю, вызывает у него бурный смех.

– Ты отлично потрудились, Барби. – Он торопливо ворует мой поцелуй. – Ладно, мне пора. Слишком много всего нужно успеть, прежде чем отправлюсь в аэропорт. Рик, наверное, уже заждался.

Рик – это агент, который заплатил «Йети» кругленькую сумму за то, чтобы на протяжении всей недели его катали над застывшей Аляской, пока он ищет идеальные места для своих киносъемок.

И хотя я рада, что у Джоны появилась стабильная работа благодаря нашей маленькой чартерной компании, каждый раз, когда он куда-то улетает, меня одолевает тоска.

– Ты ведь заполнил маршрутный лист, да?

– Он у тебя на столе.

– Вот и следуй ему. – Мой голос приобретает уже привычные предупреждающие нотки.

Несмотря на то, что Джона стал гораздо внимательнее относиться к вопросам соблюдения регламента и своевременных звонков, иногда он все же задерживается или забывает об этом.

– Да, босс.

Он крепко стискивает мою задницу и только потом направляется к входной двери.

– Это домогательства на рабочем месте! – кричу ему вслед.

Джона останавливается, чтобы лукаво улыбнуться мне через плечо.

– А как ты назовешь то, что делала со мной вчера в офисе?
– Твоей рождественской премией.
Его глубокий хрипловатый смех согревает душу и сердце.

* * *

Оскар и Гас несутся к моему джипу, виляя хвостами и заливаясь возбужденным лаем. Оскар все еще заметно прихрамывает после того, как попал в медвежий капкан, но, похоже, рана не сильно его беспокоит. Они быстро добираются ко мне и приветственно обнюхивают варежки.

Я почесываю им головы.

– Где Рой, а? В магазине?

Вместо ответа от них вижу завитки темного дыма из трубы, и этого вполне достаточно. Если их шестидесятилетний хозяин не занят скотиной, то, скорее всего, он в мастерской – пилит, стучит молотком и шлифует дерево с ловкостью настоящего мастера.

Когда прохожу мимо, куры шумно кудахчут в своем теплом курятнике, и я вспоминаю, что в список продуктов нужно добавить еще и яйца. Их почти не осталось, а куры Роя в последнее время мало несутся из-за длинных зимних ночей и холодных дней.

Распахиваю раздвижную дверь сарая и поспешно закрываю ее за собой, чтобы не выпустить тепло.

– Ты не говорила, что приедешь! – техасский говор Роя

звучит весьма грозно. Мужчина торопливо накидывает на свое творение из дерева простыню, суетливо поправляя уголок, чтобы полностью накрыть его.

– А когда я это делала?

Он явно не хочет, чтобы я увидела его работу. И если бы я не знала Роя так хорошо, решила бы, что это рождественский подарок. Едва сдерживаю улыбку и вдыхаю знакомый запах – смесь древесных опилок и коз, пропитанная тягучим дымом от полыхающего в маленькой черной печке огня. Верчу в руках конверт.

– Пришел твой чек.

Он лежал в нашем почтовом ящике вместе с пачкой рождественских открыток – в основном от клиентов «Йети» – и посылкой от Дианы.

Рой недовольно хмурится, практически насупившись.

– Какой еще чек?

– Лиз продала осьминога несколько недель назад. Помнишь, я говорила тебе?

Речь идет о замысловатой деревянной фигурке – одной из многих, что за годы своей отшельнической жизни вырезал Рой. Мы отвозим эти изделия в художественный магазин в Анкоридже, где их продают. Недорого. Но владелица уже просит меня привезти что-нибудь еще.

Хмурый взгляд мужчины становится выразительнее, а стальные серые глаза перемещаются на полиэтиленовый пакет, болтающийся у меня в руках – в нем лишняя буханка

бананового хлеба, который я испекла во время своего приступа безумного увлечения выпечкой.

– Точно.

– Женщина, которая купила его, хотела бы приобрести статуэтку дельфина. Еще спросила, не мог бы ты вырезать для нее такого. Наверное, она любит морских обитателей. Во всяком случае, даже готова внести половину стоимости авансом.

Ожидаю от Роя привычного отказа и возгласа: «Я не выполняю заказы!» Но он лишь качает головой и произносит:

– Не могу помнить всего, что стоит у меня на полке. Может, дельфина уже и делал. Гляну.

Наступает моя очередь хмуриться.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально. А что?

– Выглядишь... рассеянным.

– Просто занят, – бурчит он, потирая лоб и глядя на свои испачканные руки, а затем на беспорядок вокруг, инструменты и пыль, словно ища что-то.

– Ладно, оставлю чек на столе. Собираюсь в город за продуктами. Может быть, тебе что-нибудь нужно? Могу купить.

– Нет, спасибо.

Рой крайне редко произносит это слово, и всегда как бы вскользь, будто ему приходится заставлять себя вспоминать о манерах. Сегодня с ним точно что-то не то.

Уже подхожу к двери, когда решаю попробовать еще раз.

– Ты точно не хочешь прийти на Рождество...

– Нет.

Уже не первый раз за последние несколько недель приглашаю Роя на рождественский ужин. Ответ всегда один и тот же, но меня это не останавливает.

– У нас полно места и еды. И *огромная* индейка. Я попросила Джону привезти птицу не больше восьми-девяти килограммов, а он взял и привез индейку на *одинадцать*. А еще ты можешь посмотреть, каков твой стол в действии.

Этот стол – настоящее произведение искусства, соперничающее с огромным каменным камином от пола до потолка, который выступает центральной деталью нашей гостиной.

Рой копается в своем ящике с инструментами, но, судя по всему, не ищет ничего конкретного.

– Мне и здесь хорошо.

– *Одному?*

– Я не один. У меня тут козы, куры, псы. Они – всё, что мне нужно. – Рой делает небольшую паузу и бросает на меня испепеляющий взгляд. – По крайней мере, они не сядут мне на шею.

Убеждаюсь, что он прекрасно видит, как я закатываю глаза.

– Ну как хочешь.

– Не выпускай тепло из дома!

Со всей силы дергаю дверь сарая, надеясь, что она захлопнется с громким грохотом, но эта дверь не предназначена

для сцен и встает на место плавно и тихо. Топаю по ступенькам крыльца, задерживаясь только для того, чтобы достать из джипа миниатюрную рождественскую елку в горшке.

Были времена, когда Рой вообще никого не пускал в свои однокомнатные апартаменты. И хотя он по-прежнему охраняет свою территорию, уже не возражает, чтобы я беспрепятственно входила и оставляла ему еду или рассматривала деревянные статуэтки, стоящие на прекрасных книжных полках ручной работы.

Кладу буханку бананового хлеба у плиты и ставлю на чек тяжелую банку с тушеной говядиной, которую Рой приготовил для сегодняшнего ужина. По крайней мере, так я могу быть уверена, что он его не потеряет. Затем ищу идеальное место для елки. Старый сундук у окна, рядом с фотографией дочери и бывшей жены Роя, кажется мне наиболее подходящим вариантом. Вешаю нить белых мерцающих лампочек, включаю ее в розетку и отступаю назад, чтобы полюбоваться елкой. Вряд ли это место видело хоть какое-то праздничное веселье с тех пор, как Рой переехал сюда из Техаса тридцать три года назад.

Надеюсь, он ее не выбросит.

Внимание привлекает рождественская открытка, лежащая на кухонном столе рядом с небольшой стопкой нераспечатанных счетов. Мое любопытство по поводу того, кто мог отправить поздравление Злыдню, сразу же берет верх. Бросив быстрый взгляд в окно, чтобы убедиться, что Рой не со-

бирается возвращаться, заглядываю внутрь.

Мое сердце замирает при виде витиеватой подписи внизу: «Делайла».

Отдалившаяся дочь прислала ему рождественскую открытку? В один из тех редких случаев, когда Рой вообще упоминал о своей семье, он сказал мне, что они не в ладах друг с другом. Неужели лгал? Как часто Делайла посылает ему рождественские открытки? Делает ли она это каждый год?

В разорванном почтовом конверте лежат фотография и записка. Сначала смотрю на фотографию: на ней изображена потрясающая блондинка лет тридцати, одетая в черные джинсы и белый вязаный свитер. Ее руки обнимают двух маленьких детей – мальчика и девочку, тоже одетых в одинаковые черные брюки и белые свитера. На всех троих – праздничные красные ковбойские шляпы, в которых они запечатлены на семейном празднике. Все выглядят просто образцом идеальной, счастливой семьи, несмотря на то, что я не чувствую себя обделенной любовью мужа или отца.

Еще раз взглянув на дверь сарая, разворачиваю написанную от руки записку.

Глава 2

– Она *хочет* наладить с ним отношения, Саймон. Иначе зачем бы Делайла писала Рою? Зачем еще ей посылать ему фотографии внуков?

– Я не утверждаю, что у нее нет добрых намерений. – Слова Саймона, произнесенные с плавным британским акцентом, как у Хью Гранта, звучат отдаленно, поскольку мы разговариваем по громкой связи, пока он копошится на кухне.

Звон металла о фарфор подсказывает мне, что Саймон готовит себе ромашковый чай, чтобы уснуть. Этот человек так же предсказуем, как Бандит возле тарелки с едой, оставленной без присмотра.

– Рой может представлять для нее интерес из любопытства. Или, может быть, у нее есть потребность в завершении их ситуации, которая тянется все эти годы. Потеря родителя, как правило, подталкивает нас к действиям, которые мы, возможно, вовсе не планировали предпринимать.

Боясь, что Рой застанет меня за вторжением в его личную жизнь, две страницы, исписанные витиеватым почерком, прочитала быстро. Я выяснила, что бывшая жена Роя, Николь, скончалась от рака груди четыре месяца назад. Делайла нашла адрес отца, когда разбиралась с бумагами матери, и это первый раз, когда она связалась с ним.

Письмо выглядело достаточно радушным: знакомство

двух посторонних людей, обращение «Дорогой Рой» и все в таком духе. Но все же между строк я почувствовала часы, если не дни, тщательного подбора слов, в которых Делайла рассказывала отцу о прошедших тридцати трех годах своей жизни.

Три года назад, после почти десятилетнего брака со своей школьной любовью, она развелась. Мать, овдовевшая после тридцати счастливых лет жизни с мужчиной по имени Джим, жаловалась на одиночество, поэтому Делайла со своими детьми – общительным и увлекающимся футболом семилетним Гэвином и сдержанной девятилетней художницей Лорен – переехала в дом своего детства. Они и сейчас живут там, в том же городке под Далласом, где когда-то жил Рой вместе с Николь.

Дети редко видят отца, который снова успел жениться и у которого на подходе уже еще один ребенок. И это всего за три года? Наводит на мысли, что его отношения начались задолго до того, как чернила на бумагах о разводе высохли, но в словах Делайлы нет и намека на неприязнь к предполагаемой интрижке.

Дочь не задала Рою никаких вопросов. Ни «почему?», ни «вспоминал ли ты когда-нибудь обо мне?», ни «что ты делал последние тридцать лет?»

Она не требовала никаких ответов и не выдвигала никаких обвинений.

В конце записки девушка просто оставила свой домаш-

ний адрес, номер телефона и электронную почту. Насколько я понимаю, это негласное приглашение Рою связаться с ней, если он того пожелает. Но Делайла не стала просить его об этом прямо.

Значит, сегодня днем Рой был взволнован. Не могу сказать, что именно послужило тому причиной – смерть Николь или полученное от давно потерянной дочери письмо. Скорее всего, и то и другое.

– На твоём месте я не стал бы слишком на это надеяться, Калла, особенно если учесть, какой Рой человек. Здесь много неприятных моментов, что придется распутывать. Кто знает, что Делайла слышала об отце на протяжении своей жизни?

– Я не надеюсь, нет. Даже не знаю, что Рой собирается делать со всей этой информацией. По всей видимости, ничего.

Хотя он и стал гораздо менее вспыльчивым, чем раньше, все еще сторонится общения с людьми.

В окне мелькают лучи фар, возвещающие о возвращении Джоны из Анкориджа, и меня пробивает нервная дрожь.

– Они здесь! – слова вырываются громким визгом.

Но тихий смешок Саймона успокаивает меня.

– Не волнуйся, ты обязательно им понравишься. Ну а если нет, мы послезавтра приедем и образуем их.

Улыбаюсь.

– Возьми с собой побольше теплых вещей! Надвигающаяся буря обещает быть действительно неприятной.

Я никогда не брала в расчет погоду. Но, живя на Аляске, проверяю прогноз в Интернете раньше, чем встаю с постели.

– Неприятнее, чем в прошлом году?

Вспоминаю кошмарную ситуацию, когда застряла в Анкоридже, собираясь провести рождественские праздники в компании незнакомцев и огромной коллекции чучел диких животных.

– Если это произойдет после вашего приезда, то пусть хоть трехметровым слоем снега нас накроет.

– Ты знаешь свою мать... Одежда никогда не была для нас проблемой – она заставила меня достать третий чемодан. Разумеется, часть места отведена под ее коллекцию свадебных журналов.

Я издаю протяжный стон. Мне безумно хочется снова увидеть маму, но я ужасно боюсь того давления, которое она оказывает на меня, заставляя назначить дату свадьбы. Для женщины, которая потратила столько сил, чтобы предостеречь меня от рисков любви к летчику, проживающему на противоположном конце континента, она, безусловно, пересмотрела свою точку зрения.

– Знаю. Просто постарайся не забывать, что ты – *единственная* ее дочь. Все, чего она хочет, – чтобы день твоей мечты сбылся и чтобы она сумела помочь тебе его организовать.

– Да-да. *В Торонто.*

Мама просто неумолима и практически ежедневно присы-

лает мне ссылки на фотографов и всевозможные места проведения приема там.

– У нее здесь много связей, ведь она занимается флористикой. Связей, которых на Аляске у нее нет.

– Но *для нас* было бы разумнее провести свадьбу именно здесь, на Аляске.

– Тогда так ей и скажи, и она согласится. – Спустя несколько секунд Саймон добавляет: – В конечном итоге.

До меня доносится громкий голос Джоны.

– Ладно, мне пора. Люблю тебя.

Заканчиваю разговор с Саймоном и спешу подбросить еще одно полено в затухающий камин.

– ...На отопление уходит небольшое состояние, но зимой мы пользуемся им гораздо чаще, чем я предполагал.

Должно быть, речь идет о джакузи – центральном элементе нашей уютной веранды с навесом и месте, в котором мы с Джоной привыкли отдыхать без купальников. В ближайшие две недели нам это точно не светит.

Вытерев руки о джинсы, я направляюсь к двери, борясь с нервозностью от первой встречи с будущей свекровью.

Нависшая над нами фигура Джоны заполняет прихожую, а вокруг него клубится морозный воздух.

– Привет, детка.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я замечаю в его льдисто-голубых глазах что-то неразборчивое. Волнение? Тревогу? Затем Джона отходит в сторону, и я вижу двух

человек, которые выглядят так, словно только что преодолели тысячи километров и одиннадцать часовых поясов, чтобы добраться сюда. Он с трудом сглатывает.

– Мам, это...

– Калла. – Мое имя, произнесенное устами Астрид, звучит как тяжелый выдох. Ее плечи опускаются, словно она ждала этого момента целую вечность и рада, что он наконец-то настал. Астрид протягивает свои прохладные руки, чтобы взять мои, и крепко сжимает их на краткое мгновение. – Так рада с тобой познакомиться.

– А я – с вами, – соглашаюсь с растущей улыбкой. После десятков телефонных звонков, сделанных в ходе подготовки к этому визиту, ее акцент стал мне уже привычным.

Я видела всего несколько фото Астрид. Одно из них стоит на нашей книжной полке в углу. На нем Джона еще тощий мальчишка, а Астрид больше походит на манекенщицу – высокая, стройная, с длинными белокурыми волосами. На другой фотографии, сделанной на выпускном вечере Джоны, она выглядит уже несколько старше той норвежской красавицы в вишнево-красном бикини.

Сейчас, когда ей исполнилось пятьдесят девять, годы, конечно, наложили свой отпечаток на эту роскошную женщину, но она по-прежнему грациозна и изысканна. Лицо Астрид непринужденно пересекают мимические морщинки, с которыми моя мама активно борется с помощью регулярных инъекций ботокса. Сомневаюсь, что сияющей кожи Астрид

вообще когда-либо касалась игла. Ее некогда длинные волосы теперь подстрижены очень коротко, но стильно, а их платиновый цвет, несомненно, результат работы хорошего салона красоты.

– Это Бьерн, – жестом представила она седовласого мужчину рядом с собой, такого же высокого, как и она.

Они стоят бок о бок, и десятилетняя разница в их возрасте сразу бросается в глаза.

– Уверен, ты слышала обо мне *много* замечательных вещей. – Лазурные глаза Бьерна устремляются на пасынка, и даже с учетом его акцента ошибиться в том, что он имеет в виду, невозможно. Но когда мужчина снова переводит взгляд на меня, я не вижу ничего, кроме вежливости. – Очень рад познакомиться с женщиной, которой удалось приручить сына Астрид.

Бьерн протягивает руку, и я принимаю ее, удостоившись крепкого рукопожатия.

– Не знаю, насколько хорошо он приручен, но... – Заставляю себя улыбнуться шире. – Мне очень приятно познакомиться с вами обоими. Проходите в дом и грейтесь. У меня как раз лазанья в духовке. – Я киваю в сторону стола, накрытого на четверых, на котором уже стоит открытая бутылка красного вина – чтобы подышать.

– Мы уже поели, – качает головой Бьерн. – Все, чего я хочу, – это лечь в постель.

Астрид бросает на него мимолетный, но острый взгляд го-

лубых глаз, таких же пронзительных, как и у Джоны.

– Спасибо, Калла. Мы перекусили в Сиэтле, пока ждали следующего рейса. Хотели зайти поздороваться, но мы и правда очень устали. Особенно этот старик.

– Конечно, не беспокойтесь.

– Я отвезу их в домик. – Джона достает ключи от старого, выдавшего виды, пикапа – я все еще думаю о нем не иначе как о машине Филадельфии. – Ты не подвезешь меня обратно?

– К твоим услугам.

Я забираю ключи из его рук, целую в губы и провожаю Астрид и Бьерна за дверь.

* * *

– К нам должны были приехать на этой неделе, чтобы проложить Интернет, и тогда у вас был бы Wi-Fi, но дату перенесли на начало января. Связь по-прежнему есть, но нерегулярно. Она немного... нестабильна.

И это в лучшем случае. В плохую погоду здесь практически мертвая зона.

– Мы выживем. – Астрид глубоко вдыхает и с интересом изучает интерьер домика. – Пахнет свежей древесиной.

Окидываю взглядом небольшое пространство, обставленное аккуратной мебелью в скандинавском стиле и декорированное яркими одеялами и коврами в стиле навахо. Я даже поставила в углу небольшую елочку и развесила на окнах ма-

ленькие белые гирлянды, чтобы создать праздничную атмосферу.

– Да, все очень свежее. Рой закончил отделку только в прошлые выходные.

– А всякую всячину мы перевозили сюда аж до вчерашнего дня. Калла трудилась, не покладая рук, чтобы успеть все подготовить. У вас должно быть все, что нужно.

Джона чистит снег со своих ботинок, а затем поднимает два больших чемодана, по одному в каждой руке. Он взваливает их на специальные, заказанные мной стойки, на доставку которых ушло целых два месяца, и недовольно вздыхает под тяжестью ноши.

– Господи, что ты с собой привезла?

– Это же Рождество. Я не собиралась приезжать к вам с пустыми руками, – спокойно заявляет Астрид. – Ты ведь еще помнишь, что где-то существуют магазины, да? – Она протягивает руку, чтобы провести ладонью по щеке сына. – Но норвежские магазины есть не везде, *vennen*¹.

Я не знаю, как она его назвала, но, похоже, это произвело впечатление, потому что суровое выражение лица Джоны сразу смягчилось. Он обхватывает мать за плечи, притягивая ее к груди. Она немедленно откликается, обнимая его за талию.

– Я и забыла, какой ты большой. Карл и Ивар по сравнению с тобой просто крошечные.

¹ Дружок (норв.).

В этих именах я узнаю имена сыновей Бьерна, которые волнуют Джону примерно так же, как и сам Бьерн, хотя я ни разу так и не получила убедительного объяснения, почему они настолько его раздражают.

Иногда я думаю, не стоит ли за этой неприязнью к сводным братьям обычная ревность. Джона ведь был единственным ребенком, и он не привык делить маму еще с кем-то. Более того, Карл и Ивар живут со своими семьями в десяти минутах от Астрид и Бьерна. Они ужинают у них раз в неделю и проводят вместе все праздники.

– Я скучал по тебе, – бормочет он.

– Это потому, что ты не видел меня уже... сколько времени прошло? Три года?

Джона смущенно улыбается.

– Четыре.

– О, ты *четыре* года не видел собственную мать. Удивительно, что ты вообще узнал меня в аэропорту.

Ее тон нежен и игрив, а глаза искрятся, когда Астрид укоряет своего единственного сына.

И все же, на мой взгляд, в этих словах есть некая нотка горечи. Пусть у Астрид есть двое пасынков и пятеро приемных внуков, но Джона – ее единственный биологический ребенок. С тех пор как он в двадцать один год уехал из Лас-Вегаса на Аляску, с матерью встречался всего три раза – и один из них, чтобы увидеть, как она выходит замуж за человека, который ему не нравится. Три раза за одиннадцать лет!

И, судя по всему, обе эти поездки в Осло сопровождались препирательствами и ссорами. В последний раз он вообще остался в гостинице.

Впрочем, четырехлетний перерыв с последнего визита – не совсем его вина. Джона собирался прилететь в Норвегию на прошлое Рождество, но отменил поездку, узнав о неизлечимой болезни моего отца. И опять же, отец умер в сентябре. Времени для повторного бронирования билетов было более, чем предостаточно, однако Джона предпочел остаться на Аляске ради Агнес и Мейбл – еще до того, как он принял ту внезапную вылазку в Торонто, чтобы вернуть меня в глушь.

И все же с тех пор, как он последний раз обнимал свою мать, прошло целых *четыре года*.

Обижается ли она на него за это? Да, она перебралась в Осло. Но Джона переехал на Аляску раньше.

С момента нашей последней встречи с мамой прошел *уже год*, и почти каждый раз, когда мы разговариваем, она напоминает мне, что я сама решила переехать за тысячи километров от нее.

– Я привез вам кучу дров для печки, а в дровнике, на той стороне озера, их еще больше. Если что, обогреватель Toyostove не даст вам замерзнуть ночью, – объяснил Джона, подходя к дровяной печи.

Он растопил ее перед своим отъездом в аэропорт, но сейчас в ней тлеют лишь одни угольки, поленья давно прогоре-

ли.

– Здесь даже жарко. – Астрид потирает руки, опровергая свои слова. – Я и забыла, как холодно бывает на Аляске. Когда мы уезжали из Осло, шел дождь.

– Сейчас холоднее, чем обычно.

А в сводках прогнозируют, что за надвигающейся бурей потянется морозный фронт.

– Я загрузила холодильник всем, что может вам понадобиться, но, если вдруг что-то будет нужно, просто дайте нам знать. Здесь полно одеял, полотенец, подушек. Вообще всего.

– Уверена, все будет хорошо, Калла. Не волнуйся.

– И расскажите мне потом, как вам новая кровать.

В январе я планирую разместить объявление о сдаче домика в аренду на сайте для тех, кто ищет зимний отдых на выходные. Астрид и Бьерн будут нашими первыми постояльцами.

– За те деньги, что она заплатила, к этому матрасу должны прилагаться люди, которые будут укладывать тебя в постель и петь колыбельные, – ворчит Джона, зарабатывая мой недовольный взгляд.

Астрид хихикает.

– Не думаю, что сегодня нам понадобятся колыбельные. Я уже наполовину сплю.

Слышится смыв унитаза в уборной, и после короткого шума льющейся из крана воды появляется Бьерн.

– Здесь как в гробу. Как долго мы здесь проторчим? Целых две недели?

Астрид произносит что-то на норвежском языке – что-то, что звучит очень музыкально, но в сочетании с ее суровым взглядом явно выражает предупреждение. Она снова переходит на английский и заверяет:

– *Все в порядке.* Это идеальное местечко. Не обращайтесь на него внимания. Он старый, сварливый и не любит покидать дом.

Джона наклоняется, чтобы подбросить в печь еще одно полено, и бурчит:

– В таком случае ему следовало там и остаться.

– Значит, мало того, что ты заставляешь свою мать лететь через полмира, когда она хочет тебя увидеть, так теперь ты хочешь, чтобы она делала это *одна*? – вскидывается Бьерн.

– Если ты собираешься жаловаться ближайšie две недели подряд, то да. И она *более чем способна* передвигаться самостоятельно. Ты ей *не нужен*.

Бьерн тыкает указательным пальцем в воздух перед собой.

– Если бы ты знал, как...

– Хватит! – Астрид поднимает руки вверх, а ее брови напряженно сдвинуты. – Даже не начинайте. *Пожалуйста.* Это был очень длинный день.

Я обхватываю руками бицепс Джоны и осторожно веду к двери.

– Мы дадим вам время устроиться.

Хотя, судя по тому, что я услышала, не уверена, что здесь Бьерн сможет чувствовать себя комфортно.

Его реакция слегка подкосила мой восторженный настрой по поводу завершения работы над гостевым домиком.

Астрид наклоняет голову в мою сторону.

– Большое спасибо за то, что приложила столько усилий для нашего комфорта, Калла. Все просто *замечательно*. Увидимся утром.

– Приезжайте, как только встанете. Дверь будет не заперта. – Джона показывает ключ от пикапа, а затем вешает его на крючок на стене. – Он полностью заправлен. Я подключу блочный обогреватель перед нашим отъездом. Не забудьте отключить его от сети.

Астрид улыбается.

– Я и забыла о тех днях.

– О! – вспоминаю я, когда мы уже в дверях. – Если вы случайно увидите двух больших собак, похожих на волков, бегающих поблизости, не паникуйте. Они совершенно безобидны.

Кустистые седые брови Бьерна изгибаются дугой.

– Так это волки или собаки?

– Возможно, и то и другое, но официальная версия – мамуты.

Это *брехня* Роя, придуманная, чтобы держать сплетников и сотрудников полиции подальше.

Бьерн медленно кивает.

– Мне всегда нравились маламуты.

– Есть у меня кое-что, что ему *действительно* понравится, – бормочет себе под нос Джона.

Но, прежде чем он успеет затеять новую ссору, я выпроваживаю его, положив руку на спину.

Глава 3

– Он и правда небольшой, но мне не с чем было работать. Как думаешь, он может не понравиться арендаторам?

– Люди не арендуют жилье, чтобы все время торчать в ванной. – Слова Джоны звучат путанно из-за зубной щетки во рту.

– Ты прав.

Я изучаю черновик своего объявления на сайте Airbnb. Работаю над ним вот уже несколько недель.

– И все же... может, стоит об этом упомянуть?

Но что именно мне написать? «Санузел размером с гроб»? Я вздыхаю.

– Ты действительно думаешь, что им там будет удобно? Они могут остановиться здесь. Я знаю, твоя мама настаивала, но не похоже, что Бьерн...

– Да к черту Бьерна!

Кран с глухим стуком выключается, и через мгновение появляется Джона. Хмурый.

– Дом *шикарный*, Калла. Там есть туалет, раковина, душ. Что еще, черт возьми, ему нужно? *Ничего*. Он просто ищет повод поворчать. Что он и делает. Ворчит *на все подряд*. А я предупреждал, что так и будет, да?

– Да, предупреждал.

Джона перебирается на свою сторону кровати, и матрас

под ним прогибается.

– Не позволяй ему залезть к тебе в голову. Ты трудилась изо всех сил, чтобы подготовить дом к их приезду. Взгляни на него. – Он прокручивает фотографии гостевого домика, которые я сделала вчера с помощью верного кэнона Саймона. – Это будет самый лучший дом, предложенный в аренду, в радиусе ста километров от Трапперс Кроссинг.

– Он, и правда, миленький.

Джона опускается на подушку.

– По крайней мере, этот придурок мог бы проявить уважение.

Я закатываю глаза.

– Ладно, но тебе все равно нужно успокоиться, Джона, иначе эти две недели покажутся вдвое длиннее, и *никто* из нас не получит удовольствия. Особенно твоя мама.

– Да, я знаю. Просто он так легко выводит меня из себя.

– И все же. Тебе нужно придержать язык.

– А когда мне это удавалось?

– Да никогда.

Это мне и нравится в Джоне. *В обычных ситуациях.*

Он улыбается, но улыбка быстро гаснет.

– Бьерн не дал мне забрать их на самолете, а потом жаловался всю дорогу сюда.

– На что?

– Да *на все*. На двухчасовую поездку, музыку по радио, то, что джип слишком трясет, что он тесный и не годится

для передвижения по снегу. С последним я, кстати, вполне согласен...

Я издаю протяжный стон.

– Не начинай снова, пожалуйста.

– Я беспокоюсь, что ты можешь слететь с дороги.

Качаю головой. Один снегопад в октябре, и Джона уже решил, что ему не нравится, как мой джип «Вранглер» – между прочим, его подарок мне на день рождения – ведет себя на скользкой дороге.

– С моим джипом все *прекрасно*. Он буквально создан для того, чтобы ездить по плохой местности.

– Ладно. Я беспокоюсь о том, что *ты* можешь не справиться с плохой дорогой, так лучше?

Я в недоумении. Вот правда и выплыла наружу.

– Я *хороший* водитель!

– Ты едешь слишком быстро.

– Неправда!

– Да ну? – Он ухмыляется. – Сколько зим ты уже водишь?

– Не в этом дело.

Как и не в том, что на экзамене по вождению я сбила лося, и, если Джона вспомнит сейчас об этом, я закричу.

– Если бы я водил самолет безрассудно, то ты, наверное, не захотела бы, чтобы я продолжил летать.

– Ты *разбил* два самолета, – сухо напоминаю я. – Разве я хоть заикнулась о том, чтобы ты прекратил летать?

– Это была не моя...

– Ага! – тычу в него пальцем.

Джона зависает в поисках подходящего ответа, который не может придумать, потому что одна из этих аварий произошла именно по его вине. Он поступил безрассудно.

Я сбавляю тон, иначе мы вот-вот поссоримся.

– Это мой джип. Я люблю его и не собираюсь продавать. Ездить со скоростью пятнадцать километров в час тоже не буду. Если тебе он не нравится, купи себе хороший, надежный, новенький грузовик. Деньги у нас есть.

В ответ получаю категоричный взгляд, но, похоже, Джона не в настроении спорить.

– В общем, я сказал Бьерну, что он может взять машину напрокат и доехать к нам самостоятельно, а не пользоваться услугами персонального водителя.

– И что он на это ответил?

– Что уже потратил достаточно денег на авиабилеты и не собирается платить еще и за машину.

– Перелет из Осло до Аляски – дело не дешевое.

Я знаю, потому что видела цену. Хотела предложить оплатить их перелет. Но Джона отговорил, сказав, что Бьерн сочтет это за оскорбление.

Джона отмахивается от моих слов.

– У этого скупого ублюдка полно денег. Бьерн просто хочет высказать свое недовольство, потому что он жалкий урод.

– Он не показался мне *таким уж* плохим.

Ворчливым, конечно. Немного резким, может быть.

– К тому же ему шестьдесят девять, и он, наверное, не спал целых полтора дня. Я бы на его месте тоже ворчала.

Джона хмурится.

– Когда это ты стала такой толерантной?

Смеюсь.

– Заткнись.

– Я серьезно. Ты слишком много времени проводишь с Мюриэль и Роем. Это они приучили тебя терпеть так много дерьма?

– О! Кстати, о Рое... У меня еще не было возможности рассказать тебе.

Закрываю ноутбук и убираю его на тумбочку, а затем придвигаюсь к Джоне. Он без лишних слов поднимает руку, позволяя мне прислониться к его широкой груди.

Пересказываю все подробности письма Делайлы.

– То есть ты хочешь сказать, что рылась в личной почте этого замкнутого человека?

– Оно лежало на *самом* видном месте.

– Так бы поступила и Мюриэль.

– Это не одно и то же!

– Ладно, как скажешь, мини-Мюриэль.

Я игриво бью его по животу, и мышцы Джоны напрягаются.

– Она ворвалась бы к нему в сарай и засыпала вопросами. А я этого не сделала.

– Потому что он, скорее всего, достал бы ружье.

– Да какая разница? В любом случае главное не это.

Джона улыбается, словно издеваясь надо мной.

– Ладно. И что же главное?

– То, что он не намерен с ней общаться.

– И это его выбор. Мы не знаем, что происходило между ним и его семьей все эти годы. Может быть, он просто не хочет иметь с ними ничего общего.

Прикусываю язык от желания сказать, что, вообще-то, знаем. Я знаю, потому что Рой рассказал мне в ту страшную ночь в августе, когда самолет Джоны разбился в долине. Я никогда не рассказывала о том, чем поделился со мной Рой. Никому, кроме Саймона, и сделала это лишь потому, что Саймон никого не осуждает.

Джона бы осудил. И очень сурово.

Рой и так уже достаточно наказал себя, уединившись в своем доме в лесу на тридцать три года, предпочитая в качестве собеседников домашнюю живность и диких собак.

– А как насчет «простить былые прегрешения и отпустить ситуацию»? Разве не ты подтолкнул меня к тому, чтобы дать отцу еще один шанс?

И Джона сделал это потому, что не дал своему собственному отцу второго шанса, а потом стало слишком поздно.

– Да, но Рой не умирает. Кроме того, Рен был порядочным парнем. А Рой... это Рой.

– Рой тоже порядочный.

Джона фыркает.

– На прошлой неделе, когда он приезжал подрезать копыта Зику, на нем опять была та чертова шапка из енота. Бандит от него спрятался.

– Он порядочный по-своему, – вношу поправку я. – Знаешь, я тут вот, что подумала: если бы Агнес не позвонила мне, я бы никогда не приехала на Аляску и не познакомилась с отцом. С тобой мы тоже никогда не встретились бы.

– И что? – В голосе Джоны появляется настороженность.

– И... я сделала фото контактов Делайлы.

– Что за безумный план рождается в твоей хорошенькой головке?

– Еще сама не знаю.

Его пальцы откидывают волосы с моего лица, пока он смотрит на меня сверху вниз.

– Он не похож на Рена. Рой больше напоминает дикого зверя – того, чье доверие ты *наконец* заслужила. Но если ты подорвешь его, все снова вернется на круги своя.

– Знаю. Поэтому и беспокоюсь.

Рой так далеко продвинулся с нашего первого визита к нему в марте – в тот день, когда мы переехали сюда и узнали, что стали гордыми владельцами ненужного нам козла.

– Ну хватит о Рое.

Джона наклоняется ко мне. Его губы касаются моего лица и плавно переходят к самому чувствительному месту – под ухом. Он знает о моей маленькой слабости.

– Это наша предпоследняя ночь наедине, аж до *второго* января.

– Боже мой, ты прав!

– Слишком *долгий* срок, чтобы за стеной нашей спальни находились твоя мама и Саймон.

– Они оба пользуются берушами для сна.

Саймон спит очень крепко, а маму раздражает звук его дыхания.

– Тебя никакие затычки для ушей не заглушат.

– Ой, заткнись.

Джона любит подтрунивать надо мной, что я могу быть очень громкой, но на самом деле это – обычно – неправда.

– Тогда, наверное, тебе лучше приняться за работу.

Он бросает на меня вопросительный взгляд.

– Какую работу?

– Ты мне должен. – Поднимаю брови. – За вчерашнее, в офисе.

Уголок его рта приподнимается, и его пальцы начинают ловко расстегивать пуговицы на моей пижаме, пока он не распахивает ее, подставляя мою грудь прохладному воздуху.

– Я когда-нибудь говорил тебе, как мне нравятся все твои сексуальные фланелевые пижамы огромных размеров, которые ты постоянно покупаешь? Особенно та, с леденцовыми тросточками?

Смеюсь, а Джона опускается все ниже, оставляя языком влажную дорожку на моей коже – от ключиц до пупка, задер-

живаясь на несколько секунд вокруг моих торчащих сосков.

– Хорошо, потому что я купила еще две.

Я делаю паузу и затем игриво-соблазнительным голосом добавляю:

– Venneп.

Он замирает.

– Можешь не называть меня так? Особенно когда я делаю *это*.

– Хорошо, Venneп, – повторяю я, сдерживая хихиканье.

– Я серьезно.

– Что это значит?

– Это ласковое обращение. К маленькому мальчику.

Он одним движением стягивает с меня пижамные штаны вместе с трусиками и отбрасывает их в сторону. Переместившись так, чтобы его плечи оказались между моими ногами, он замирает и пристально заглядывает мне в глаза.

– По-твоему, я похож на маленького мальчика, Калла? – Его голос становится хриплым.

Я сразу же проглатываю свое веселье.

– Нет.

Он похож на самого мужественного и красивого мужчину, которого я когда-либо видела.

При первом же движении его языка резко вдыхаю.

– О чем, *черт возьми*, ты говоришь, мама? О чем он говорит?

Я потираю еще слипшиеся от сна глаза и смотрю на часы, чтобы убедиться, что сейчас только восемь утра. На улице еще темно, но, учитывая разницу во времени, Бьерн и Астрид, должно быть, не спят уже давно.

Со стоном сползаю с кровати, ежась от утренней прохлады. Поспешно привожу себя в порядок в ванной, а затем торопливо спускаюсь вниз.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? И узнаю *от него*? – Джона смотрит из-за кухонного стола на Бьерна, но разговаривает явно со своей матерью, сидящей на табурете.

– Я не хотела волновать тебя по такому незначительному поводу, – спокойно отзывается Астрид, листая свадебный журнал, на который меня подписала Диана, как только мы с Джонной обручились.

Она нанесла свежий слой туши и немного помады, короткие платиновые волосы уложила в аккуратную прическу, но ее лицо выражает сильную усталость. То ли из-за долгого путешествия, то ли из-за непрекращающейся ссоры между сыном и мужем – назвать причину может только она сама.

Тем временем Джона качает головой.

– Незначительному? Ты называешь это *незначительным*

поводом?

Взгляд Астрид останавливается на свадебном платье, и она что-то говорит Бьерну на норвежском. И снова музыкальное звучание их диалекта маскирует не самые приятные, как я подозреваю, слова.

– Потому что я больше не стану хранить твои секреты! – огрызается он по-английски, по всей видимости, специально для Джоны.

– Следи за своим тоном, когда говоришь с ней!

От их раздраженных голосов все мое тело напрягается. Если так пойдет и дальше, то к Рождеству в доме будет атмосфера ядерной войны.

Преодолеваю две последние ступеньки и восклицаю:

– Доброе утро! – Надеюсь, мое присутствие сможет хоть как-нибудь разрядить надвигающийся взрыв. – Как вам спалось?

Астрид отвечает мне теплой, хотя и смущенной улыбкой.

– Неплохо. Мы все еще живем по времени Осло. Наверное, понадобится целая неделя, прежде чем адаптируемся. – Через несколько секунд она добавляет: – Но домик очень уютный. Правда, Бьерн?

Она поднимает брови и смотрит на мужа.

– Да, вполне комфортный.

И, независимо от того, обучили ли его правильному ответу или нет, я это ценю.

– Доброе утро.

Я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы дотянуться до губ Джоны для утреннего поцелуя, а затем бросаю на него трехсекундный предупреждающий взгляд. Когда вижу в нем огонек признания, что ему действительно стоит успокоиться, иду к кофе-машине, чтобы получить столь необходимую мне порцию кофеина.

– Сегодня утром мне нужно облететь окрестности Талкитны, а после помогу вам перенести вещи в дом, – предлагает Джона, и его тон в самом деле меняется. – Вы можете занять комнату, которую мы приготовили для Агнес и Мейбл.

Хмуро смотрю на него. Что происходит? Разве Астрид только что не сказала, что им удобно в гостевом домике?

– В этом нет необходимости...

– Я вернусь в районе обеда. – Джона обходит стол и наклоняется, чтобы поцеловать мать в лоб. – Собери вещи, если получится, ладно?

Она вздыхает, но затем протягивает руку, чтобы погладить сына по щеке.

– Хорошо, vennen.

И несмотря на это любопытное изменение планов, я еле сдерживаю желание громко засмеяться. Джона выходит через боковую дверь, даже не взглянув на Бьерна, задержавшись лишь для того, чтобы снять с крючка зимнюю шапку и перчатки. Через несколько секунд в неловкой тишине, воцарившейся на кухне, раздается урчание двигателя снегохода.

Что за тайну разболтал Бьерн? Что скрывала Астрид от

своего сына?

– Интересное устройство, – бормочет Астрид, отпивая глоток кофе и не сводя глаз с прибора. – Думаю, мне придется прочитать инструкцию, чтобы разобраться в нем.

– Хотите, я что-нибудь вам приготовлю? Латте, капучино, эспрессо...

Она отмахивается от моего предложения.

– Нас вполне устраивает черный кофе.

– Может, вы хотите перекусить? Есть банановый кекс домашнего приготовления.

Достаю хлеб из холодильника и ставлю его на стол вместе с тарелками. Всю прошлую неделю я запасалась едой, чтобы суметь накормить двадцать человек с совершенно разными пищевыми привычками.

– Или я могу приготовить яичницу с беконом. А еще у нас есть фруктовый салат и йогурт, если вам больше нравится...

– Все в порядке.

Астрид берет нож, чтобы отрезать Бьерну кусочек хлеба, а потом молча протягивает ему тарелку, и он, даже не поблагодарив, опускается на табурет.

– Джона сказал, что у тебя сегодня рождественская вечеринка?

– Да. Я помогаю в организации ежегодного благотворительного ужина в общественном центре. Простите, не смогла отказаться...

– А зачем тебе отказываться? – перебивает меня Астрид,

нахмурившись. – Похоже, это важный вечер.

– Ну, это действительно так, но вы же только что приехали, и мне неловко оставлять вас одних.

– Если ты продолжишь так суетиться вокруг нас, то выдохнешься и начнешь считать дни до нашего отъезда. – Она смягчает свое замечание улыбкой. – Так что ты будешь делать на этом мероприятии?

– Даже не знаю. Наверное, массу черновой работы. Мюриэль сказала мне приехать к десяти.

– О, это та властная соседка?

– Да, она. Мюриэль руководит организацией вечера и обратилась ко мне за помощью. Хотя нет, она просто сообщила мне постфактум, что я буду помогать, признав, что мои маркетинговые предложения сыграли не последнюю роль в оглушительном успехе Зимнего карнавала, собравшем рекордную посещаемость и самый высокий доход за последние пятьдесят лет. – А Тедди оденется Сантой.

Астрид тихо поучает Бьерна, подбирая крошки бананового хлеба со стола вокруг его тарелки.

– Тот ворчливый сосед?

– Нет. Этого зовут Рой.

Я смеюсь при мысли о том, что Рой может надеть красный костюм и белую бороду. Он стал бы лучшей версией Санты в исполнении Билли Боба Торнтона и худшим рождественским кошмаром ребенка.

– Тедди – муж Мюриэль, и это, наверное, самый счастли-

вый человек, которого я когда-либо встречала. О черт! Он забыл свой термос.

Я смотрю на высокий темно-синий цилиндр, стоящий у кофейника. Джона взял за правило брать его с собой по утрам, уходя на работу. Но, видимо, то, из-за чего они ссорились до моего прихода, отвлекло его.

– Иди, иди... – торопит меня Астрид. – Отнеси ему, пока он не улетел. Мы можем поговорить, когда ты вернешься. Например, о дате свадьбы, а? – Она показывает мне раскрытый журнал. – Возможно, у той, кто провела двадцать часов в пути, чтобы увидеть свадьбу своего единственного сына, было достаточно времени для кое-каких идей.

Слова Астрид звучат как предложение, но, судя по ее категоричному взгляду, садиться в самолет без окончательной договоренности она не собирается.

Бьерн бормочет что-то на норвежском, и его хриплый голос звучит не так музыкально, как голос Астрид.

Она забирает его тарелку и ставит в раковину.

А я наполняю термос Джоны черным кофе, радуясь предлогу выяснить, что тут произошло.

Глава 4

Когда я подъезжаю к ангару на зеленом снегоходе, который негласно стал моим, у него припаркован бордовый пикап Тоби. Теперь, когда рыболовный сезон закрыт, а гостиница Трапперс Кроссинг не принимает гостей, он может больше времени уделять ремонту старого самолета Фила и приезжает сюда с утра пораньше, пока в его мастерской, где он занимается техническим обслуживанием малолитражных двигателей, нет посетителей.

Когда я вхожу в боковую дверь, Тоби и Джона стоят возле бивера² 1959 года.

При моем появлении они синхронно оборачиваются.

– Ты забыл кофе. – Машу в воздухе термосом.

– Да. Я сообразил еще на полпути, но никак не мог заставить себя вернуться, чтобы снова возиться с ними.

Под «ними», я так понимаю, он имеет в виду Бьерна. Я бросаю на Джону неодобрительный взгляд, а затем переключаю внимание на грузного тридцатипятилетнего парня. Тоби стал моим самым первым приятелем здесь, когда мы только переехали в Трапперс Кроссинг в марте этого года, и я еще осваивалась в новом для меня месте.

– Не думала, что увижу тебя здесь, ведь сегодня рожде-

² Одномоторный легкий многоцелевой самолет короткого взлета и посадки, предназначенный для эксплуатации в сложных условиях неосвоенных районов.

стенский ужин.

– Да. – Тоби почесывает коричневую щетину на подбородке.

В мае он снова побреется начисто, а пока та будет отрастать всю зиму.

– Я просто зашел проверить одну запчасть, которую ищу.

– Насколько длинный список поручений у тебя от Мюриэль?

Его лицо расплывается в широкой ухмылке, которая моментально придает его чертам мягкость.

– Две страницы. С обеих сторон.

И все же, я уверена, он не пожаловался бы, даже если его мать заслужила это. Он такой же добросердечный, как и его отец, и всегда готов прийти на помощь окружающим.

– Что ж, тогда удачи, – смеюсь я.

Он расплывается в улыбке.

– У нее есть список и для тебя, и он гораздо длиннее.

– Не напоминай мне, – стону я.

– Извини. Решил, что тебе нужно успеть подготовиться.

– Значит, к понедельнику она будет у тебя, да? – спрашивает Джона, возвращая разговор к теме самолетов.

– Сказали, что постараются доставить ее до начала бури.

А как только получу этого малыша, сразу начну собирать. – Тоби похлопывает по разболтанному двигателю.

– Как думаешь, когда мы сможем снова поднять его в воздух?

Парень пожимает плечами.

– Трудно сказать. Насколько мне известно, кресла появятся только к концу января, но это, скорее, предположение, нежели факт. Но все остальное к тому времени уже должно быть готово, если не произойдет ничего неожиданного.

– Отлично. – Голубые глаза Джоны окидывают самолет: тот разобран на части и выглядит так, словно ему самое место на свалке. – А потом все, что ему потребуется, – свежий слой краски.

– Ты хочешь перекрасить его? – Тоби изучает корпус самолета, который, надо признать, в довольно приличном состоянии.

– В ярко-желтый, – без колебаний отвечает Джона. – Любимый цвет Рена. Не зря же нашего парня зовут именно так.

Если это не сентиментальность, то я не знаю, что. И это довольно нехарактерно для Джоны.

Я сокращаю расстояние между нами и обнимаю его за талию.

– Ему бы понравилось.

Он отвечает мне, крепко прижимая к своей груди.

В кармане Тоби пищит телефон. Он смотрит на сообщение, и по его тихому ворчанию понимаю, что это Мюриэль.

– Ну я пойду. Увидимся через несколько минут, да, Калла?

– Под звон колокольчиков. *В буквальном смысле.*

Волонтеры вечера в обязательном порядке должны надеть

костюмы эльфов Санты. Свой я еще не видела, но Эмили предупредила, что звенеть он будет громко.

Выходя за дверь, Тоби посмеивается.

– Спасибо за термос. – Джона нежно целует меня в губы, а затем отстраняется. – Мне пора.

Но я обхватываю его руку, не давая сбежать.

– Не раньше, чем ты расскажешь, что это было в кухне. Почему они переезжают в комнату Агнес и Мейбл, если с гостевым домиком все в порядке?

Джона делает паузу.

– У моей мамы в прошлом году была тромбоэмболия легочной артерии. В августе.

– Это... плохо, да? – запинаясь я.

На самом деле я даже не слышала о подобном заболевании.

– Это что-то связанное с легкими, верно?

– Да, закупорка. У мамы появились боли в груди, поэтому ее срочно отвезли в больницу и сделали все анализы. Нашли тромб. Довольно большой.

– Ей сделали операцию?

Джона качает головой.

– Я не знаю. Вроде бы в легкие ввели катетер, чтобы подавать лекарства для разрушения тромба. По-моему, это вполне смахивает на операцию, но мама сказала, что все время была в сознании. А затем назначили препараты для разжижения крови, поскольку она у нее быстро сворачивается. Так

что разжижающие препараты ей, вероятно, придется принимать до конца жизни.

– *Сейчас* с ней все в порядке?

– Мама говорит, что да, но кто его знает. Она не сказала мне об этом, так что легко могла умолчать и о другом. – Джона мрачнеет. – Бьерн должен был мне позвонить.

– Похоже, она велела ему не беспокоить тебя.

– Да какая разница? Он должен был мне сказать. – Джона нервно расхаживает вокруг двигателя самолета. – Ведь я ее *сын*.

– Ты прав. Кто-то должен был сообщить тебе об этом. Но почему ты думаешь, что она решила скрыть от тебя операцию? Что бы ты сделал, если бы знал?

– Я бы поехал в Осло!

– Именно.

Джона останавливается, похоже, размышляя над моими словами.

– Я бы вылетел туда, как только мама сообщила мне об этом. Но тогда меня не было бы рядом с Реном в его последние дни. Или с тобой.

Не знаю, что сказать, чтобы смягчить отчаяние Джоны. Если бы на месте его матери оказалась моя мать или Саймон, я была бы в такой же ярости, как и он, узнав о случившемся более чем через год.

– А теперь этот чертов Бьерн, – он выплевывает имя отчима словно ругательство, – имеет наглость обвинять меня

в том, что я заставил маму лететь сюда, чтобы увидиться со мной, когда я и понятия не имел, что происходит! Да, разумеется, я ни за что бы не согласился на это, если бы знал! Ей не стоило лететь сюда через полмира! Длительные перелеты для людей с таким заболеванием – всегда риск. Что, если разжижающие препараты перестанут действовать, и она окажется там посреди ночи с огромным тромбом в венах? Даже связи не будет, чтобы позвать на помощь!

– Так вот почему ты хочешь, чтобы они поселились в доме вместе с нами.

Кусочки пазла начинают складываться в единое целое.

– Если что-то пойдет не так, я по крайней мере буду рядом с ней.

Не знаю, насколько обосновано беспокойство Джоны, но знаю лишь то, что он глаз не сомкнет, если Астрид будет находиться по ту сторону озера.

– Это правильное решение. Я позвоню Агнес и предупрежу ее. Она не будет возражать. Все равно Мейбл только и говорила, что хочет остановиться в гостевом домике. Правда, это было до того, как она узнала, что там нет Wi-Fi.

– Спасибо, – медленно кивает Джона. – Эта новость застала меня врасплох. Я и не предполагал, что пора начинать беспокоиться о ее здоровье, ведь мама еще так молода.

– Похоже, у нее все под контролем. – Я протягиваю руку, чтобы пригладить его свежестриженную бороду кончиками пальцев. – С ней все будет в порядке.

– Думаешь? – В его голосе звучат нотки сомнения.

– Конечно! Вся компания – Сьюзан, Саймон, Астрид и Бьерн – под одной крышей. Что может пойти не так?

Джона со стоном откидывает голову назад.

– Кроме того, что Бьерн назовет Саймона шарлатаном?

– Ну, не считая этого.

Бьерн даже не скрывает, что считает психиатров ненастоящими врачами.

– Может, мы поселим Бьерна в гостевом домике одного?

– Прекрати, – смеюсь я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать его в губы.

* * *

В двадцать пять минут одиннадцатого я втискиваю свой джип в ряд припаркованных перед общественным центром Трапперс Кроссинг машин, готовясь к тому, что меня ждет неприятный разговор из-за опоздания. Мюриэль не делает различий между наемными рабочими и теми, кто жертвует своей свободной субботой перед Рождеством добровольно. В ее глазах работа – это работа, и ты должен отдавать ей все свои силы, несмотря ни на что.

По крайней мере сейчас хотя бы солнечно.

Собираю свои вещи и силы, поскольку чувствую, что, когда снова окажусь в этом джипе, буду совершенно вымотана. Выпрыгиваю на мороз. Меня отвлекает грохот слева, где

на открытом катке с хоккейными клюшками в руках целая стайка детей отрабатывает удары по сетке.

Из дверей общественного центра выходит Мари. Следом за ней бежит Бонни Хэтчетт.

Внутри меня все будто сжимается, впрочем, как и всегда, когда я вижу красивую блондинку-ветеринара. Разница лишь в том, что моя реакция на нее уже не такая острая, как раньше.

– Что ты имеешь в виду? Ты *видела*, как это происходило? – спрашивает Мари.

– Не совсем... *нет*. – Бонни поджимает тонкие губы и хмурится. – Но мы все знаем, что с этими собаками плохо обращаются. Да и вообще, кем он себя возомнил? Появляется здесь, скупает землю, не обращая ни на кого внимания. – В ее тоне отчетливо сквозит горечь.

– То, что ты видишь в нем прямого конкурента бизнесу Гарри, не дает тебе права бросаться обвинениями в жестоким обращении с животными, – мягко возражает Мари. – Только если у тебя нет доказательств.

– А если мы найдем доказательства? Тогда ты поможешь нам, верно? – не отстает Бонни.

Вздых Мари свидетельствует о ее нечеловеческом терпении.

– Если у тебя будут доказательства, я попытаюсь что-нибудь сделать. Послушай, мне надо идти. У меня распланированы дела на всю вторую половину дня.

Похоже, Бонни не заметила неодобрения в голосе Мари, потому что энергично кивает головой и восклицает:

– Спасибо, доктор Лер. Спасибо за помощь.

Мари замечает меня и идет навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.